

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

Светлый путь

Популярный советский сюжет о счастье, которое достаётся трудом и смирением, в новом пермском балете оказывается перевёртышем

Юлия Баталина

Сказка о Золушке была в Советском Союзе чрезвычайно популярна, и неудивительно: ведь её мораль чисто советская — бедная героиня добивается счастья благодаря трудолюбию, смирению и щедрости. Чем не образец для комсомолок? Сюжет активно использовался советским искусством, становясь порой основой киношедевров — будь то «Золушка» Надежды Кошеверовой по сценарию Евгения Шварца с Эрастом Гариним, Файной Раневской и Яниной Жеймо или «Светлый путь» Григория Александрова с тогдашней киноиконной Любовью Орловой.

Закономерна в этой связи популярность балета Сергея Прокофьева на тот же сюжет. Написанный в самом конце Второй мировой войны, он ставился на советских сценах несчётное количество раз, на нём формировался большой советский хореографический стиль... И вот настал момент, когда этот стиль и этот сюжет должны быть переосмыслены — и отчасти в ироническом ключе, ведь в наше время всё пафосное и пышное уже с трудом воспринимается без смягчающей и отстраняющей иронии.

За эту большую работу взялся художественный руководитель пермского балета Алексей Мирошниченко, используя плодотворный приём «театр в театре»: в новой пермской версии «Золушки» действие происходит во время постановки балета Прокофьева в Главном театре (подразумевается Большой) в 1957 году. Постановку поручают молодому, подающему надежды хореографу Юрию Звёздочкину (Денис Толмазов), который на главную роль приглашает столь же молодую и подающую Верочку Надеждину, обойдя заслуженных и народных (аналоги мачехи и сестёр). Для балета хорошая обувь не менее важна, чем для бала — хрустальные туфельки, поэтому на выручку Верочке спешит мастер-обувщик дядя Яша с прекрасной фамилией Фейман. Добрый фей вручает девушке балетные туфли, которые должны обеспечить успех.

Новая постановка Главного театра чрезвычайно важна идеологически: в роли принца выступает французский премьер Франсуа Ренар, и надо не упасть в грязь лицом перед капиталистическим коллегой. Недаром за процессом подготовки спектакля следит Министр Культуры (зрители тут же прозвали корпу-

лентную даму в зелёном трикотажном костюме Фурцевой, и они не ошиблись), а также товарищи из органов.

Премьера проходит триумфально, а советская «Золушка» и импортный «принц» влюбляются друг в друга... Но органы не дремлют, и под кремлёвские куранты «принца» выдворяют из страны, а «Золушку» делают невыездной. Весь третий акт Верочка и Франсуа страдают в разлуке, а труппа Главного театра гастролирует по Европам и Азиям.

В финале же происходит чудо... Как же, это ведь сказка! Но чудо совсем не то, какое хотели бы видеть романтические зрительницы.

Остроумное либретто и забавные имена персонажей Алексей Мирошниченко придумал самолично. Он вообще любит такую работу: свою деятельность в Перми он начал с «Дафниса и Хлои» Равеля, где действие происходило в Марокко, герой служил во французском Иностранном легионе, а героиня была русской балериной. В последние годы хореографа занимают советская тема и эстетические упражнения в большом стиле русского балета — среди его последних работ сатирический «Условно убитый» на музыку Шостаковича и самостоятельная версия «Лебединого озера». «Золушка» — что-то вроде гибрида этих начал: здесь и уморительная сатира, и изысканный маньеризм. Сюжетные хитросплетения позволяют Мирошниченко блеснуть разнообразием стилей: здесь и настоящий бал с мазурками и дамами в пышных париках, и знойные испанцы, а также ещё более знойные полуголые турецкие банщики — во время мирового турне балетной труппы.

Словом, балет многофигурный, разностильный, сложносочинённый.

Находки и сюрпризы для зрителя щедро рассыпаны по всему действию: мадам Фурцева отменно зажигает, демонстрируя прекрасную балетную подготовку артистки Дарьи Зобниной, «гэбисты» мелконок, но слаженно и

бодро семячат под марш из «Люби к трём апельсинам», блистают во вставных вариациях аллегории времён года... В качестве особого аттракциона появляется даже легко узнаваемый Генеральный секретарь — а чтобы у зрителей не возникало сомнений, кто из руководителей государства имеется в виду, он даже пытается постучать ботинком по трибуне.

Некоторые исторически подкованные наблюдатели бросали на премьере замечания, что, мол, столь строгий контроль со стороны властей и спецорганов для времён «оттепели» не характерен, в то время отношения с иностранцами уже не были преступлением... Но ставить это в вину Алексею Мирошниченко не хочется: используя вечный сюжет, он говорит о том, что трудности для творческих и любящих людей возможны в любые времена, а уж змеиные нравы балетных трупп (на Верочку доносят соперницы-«сестрицы») — это и вовсе трюизм.

Словом, хореограф отменно поработал в качестве либреттиста и драматического режиссёра. С танцами же в постановке всё значительно сложнее. Да, их много, некоторые весьма яркие и могут исполняться как концертные номера, но они тонут в пантомиме, особенно в первом действии. Порой обидно становится за музыку — она так и просится стать основой для танца, а на сцене всё ходят, жестикулируют... Между тем оркестр MusicAeterna под управлением Теодора Курентзиса в очередной раз себя превзошёл: «Золушка» в этом внятном и эмоциональном исполнении звучала с накалом «Ромео и Джульетты».

Обидно было и за исполнительницу заглавной роли (из четырёх Золушек, возвращённых в труппе, для премьерного исполнения была выбрана Инна Билаш): ей не удаётся блеснуть сложными па не только в роли Верочки Надеждиной, но и во время хореографического «бала». Роль у Инны Билаш, скорее, драматическая, и она трогает зрительские сердца очаровательным простодушием и искрен-

ностью. Больше повезло её партнёру — «принцу» Франсуа Ренару в исполнении Никиты Четверикова, которому хореограф подарил серии выигрышных прыжков, а также всевозможные поддержки, где он демонстрирует ловкость, надёжность и балетную статью. Неудивительно, что робкая советская барышня сомлела в этих руках!

Впрочем, все претензии к хореографу хочется забыть — после чудесного финала. «Шпионку» Верочку отправляют в ссылку... в Пермь. Хореограф Звёздочкин едет за ней, чтобы предложить ей союз — жизненный и творческий. В Перми, конечно же, идёт снег, и мимо героев, уютно одетых в валенки и тулупчики, проходит вся череда персонажей, встреченных ими на жизненном пути, и вот уже герои — не Инна Билаш и Денис Толмазов, а мэтры Наталья Моисеева и Виталий Полещук, а за ними светятся огоньками Пермский театр оперы и балета — как живой.

Сказка завершается глубоким, почти трогательным и искренним поклоном этому театру, которому на роду написано спасать и пестовать таланты. Творческая биография Юрия Григоровича, который был прототипом Юрия Звёздочкина, с Пермью, конечно, не связана, зато связана его жизнь: он был здесь в эвакуации во время войны, как и ещё один выдающийся хореограф — Николай Боярчиков, который позже вернулся в Пермь, чтобы именно здесь ярко заявить о себе. Сегодня Пермский театр оперы и балета — тоже оазис, тоже спасительный остров, волшебное, отличное от окружающего мира, хрупкое пространство, в котором творят Теодор Курентзис и Алексей Мирошниченко.

Если вспомнить, что премьера посвящается памяти Олега Левенкова — артиста балета, блестящего преподавателя и исследователя-культуролога, бессменного директора Дягилевского фестиваля, то получается, что новая пермская «Золушка» — это большой оммаж пермскому балету, его людям, его светлому пути.

ФОТО АНТОН ЗАВЬЯЛОВ

